

The book cover features a central circular illustration of a green, textured face with large, intense yellow eyes. The face is surrounded by a dense, swirling pattern of red and green lines that resemble tangled roots or branches. The text is overlaid on this central image.

Илья Бояшов

МОРОС

или
ПУТЕШЕСТВИЕ
К ОЗЕРУ

ЛИМБУС ПРЕСС

Илья Владимирович Бояшов

Морос, или Путешествие к озеру

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65530676

Морос, или Путешествие к озеру: Лимбус Пресс, ООО «Издательство

К. Тублина»; СПб; 2021

ISBN 978-5-8370-0787-3

Аннотация

Илья Бояшов, лауреат премии «Национальный бестселлер» и финалист премии «Большая книга», хорошо известен отечественному читателю. По его повести «Танкист, или “Белый тигр”» режиссер Карен Шахназаров снял фильм, а его другая повесть – «Бансу» – в настоящий момент готовится к экранизации.

Новая книга Бояшова отчасти документальна и посвящена судьбе Ивана Тимофеевича Беляева. Бывший врангелевский генерал Иван Тимофеевич Беляев – уникальная фигура, воплотившая в одном лице патриота, высококлассного военного специалиста, географа, филолога, этнографа, исследователя неизвестных земель, основателя русской общины в Республике Парагвай и первого индейского театра, покровителя и друга народа гуарани, которого индейцы выбрали вождем «клана

тигров», дав ему почетное имя Алебук – Сильная Рука... Эта книга рассказывает об одном из малоизвестных событий в истории белогвардейской эмиграции: экспедиции в центр неизученного района парагвайских джунглей, которую накануне Чакской войны осуществили наши соотечественники во главе с этим удивительным человеком, ставшим национальным героем Парагвая.

Содержание

Великий Чако	7
Таинственное озеро	26
Патриотизм патриотизмом, а деньги деньгами...	31
«Вы готовы?»	41
Еще раз о цене	53
Морос	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Илья Бояшов

Морос, или

Путешествие к озеру

© ООО «Издательство К. Тублина», 2021

© А. Веселов, оформление, 2021

* * *

Трансвааль, Трансвааль, страна моя!

Бур правду говорит:

За кривду Бог накажет нас,

За правду наградит.

*Народная песня по мотивам стихотворения Галины
Галиной*

Есть на земле далекий край,

Где нет ни кризисов, ни крахов,

Алмазно-знойный Парагвай,

Страна влюбленных и монахов.

Песня из кинофильма «Марионетки»

*Вдвоем быть лучше, чем одному, ибо, если
упадут, друг друга поднимут, но горе, если один
упадет, а, чтоб поднять его, нет другого, да и если*

*двое лежат – тепло им, одному же как согреться?
Царь Соломон*

** * **

Эта история случилась в начале тридцатых годов прошлого века. Однако, прежде чем поведать о ней, стоит напомнить о государстве, в котором она произошла, и об обстоятельствах, которые способствовали столь удивительному путешествию героев повествования в сердце края, остававшегося совершенно неизвестным в то время, когда на географические карты были занесены, казалось бы, самые экзотические и труднодоступные земные места.

Но обо всем по порядку.

Великий Чако

Не секрет: главными недругами слабой державы всегда являются ее ближайшие соседи. «Задний двор» Латинской Америки – экзотический Парагвай – исключением не являлся. Особенно досталось ему в войне 1864–1870 годов, не случайно названной Парагвайской. Прикарманив почти половину чужих земель на востоке и юге, Бразилия, Аргентина и Уругвай прошли затем катком своих армий по долам и весям несчастной страны с таким достойным гуннов азартом, что в могилах оказались две трети парагвайских мужчин. Этот геноцид сошел странам-подельяницам с рук – Европа и Штаты в те времена не особо интересовались мировыми задворками, и после расправы над государством-парией события в регионе потянулись своим чередом – ни шатко ни валко. Парагвай потихоньку хирел, Аргентина и Бразилия обрастали жирком, у политиков из Монтевидео накопились собственные проблемы. Вроде бы все успокоились, однако к концу века девятнадцатого в головах еще одних соседей ополовиненной страны – боливийцев – занозой засела мысль о том, что дышащий на ладан сосед непременно должен поделиться частью своей территории еще и на севере. Президенты страны откладывали вопрос до того момента, пока в устах зачастивших в Боливию представителей «Стан-

дарт Ойл»¹ сладко и часто не зазвучало слово «нефть». В двадцатые годы двадцатого века, прислушавшись к доводам посланцев Рокфеллера, государственные боливийские мужи решили закрыть гештальт при помощи кайзеровских офицеров, которых щедро поставлял Латинской Америке Версальский мир. Немцы с истинно арийской страстью взялись готовить боливийскую армию к будущей войне, найдя применение не только оставшемуся без дела оружию, но и обмундированию. Последнее, сразу сделав темпераментных боливийцев внешне похожими на германских солдат, не хуже приличного жалованья грело сердца бывших унтеров и генералов Вильгельма II.

Парагвайцев все это не радовало – вот почему одним жарким декабрьским вечером 1930 года военный министр бедной, как церковная мышь, но подобной кондору в своей гордости державы вызвал к себе для доверительной беседы некоего человека, чьим мнением дорожил весь местный генералитет. Для его экстренной доставки во дворец парагвайские вооруженные силы задействовали авто министра (на тот момент в парагвайской столице автомобилями могли похвастаться лишь президент республики и военный министр). Гость проследовал в кабинет, оставив на попечение адъютанта берет, более подходящий парижскому клошару,

¹ *Standard Oil* – американская нефтяная корпорация, осуществлявшая добычу, транспортировку, переработку нефти и маркетинг нефтепродуктов. Была основана в 1870 году с начальным капиталом в 1 млн долларов на базе фирмы «Рокфеллер, Андриус и Флаглер». (Здесь и далее прим. ред.)

чем советнику парагвайского Генштаба. Советник был тщедушным, невысокого роста человеком, с бородкой клинышом, в чеховском пенсне и всем своим видом скорее походил на учителя математики. На нем был потертый костюмчик с несколько коротковатыми брюками и парусиновые туфли. Скромный облик гостя, словно выдернутого для разговора с министром из приспособленной под школу провинциальной хижины, никак не вязался с обстановкой сверкающего лаком кабинета, где разместились два викторианских кресла, несколько книжных шкафов угрожающей высоты и покрытый зеленым сукном стол размером чуть ли не с половину футбольного поля. Луис Риарт², политик, которого можно было обвинить в чем угодно, но только не в подбострастии, вложил все свое уважение к позднему гостю в крепкое рукопожатие:

– Дон Хуан! Простите за назойливость, но я побеспокоил вас по исключительно важному поводу.

Министр решил сразу взять быка за рога, протянув вошедшему записку.

Дон Хуан сощурился, поднеся изрядно помятый листок к пенсне, и принялся шевелить губами. (Судя по его наморщенному лбу, текст был почти нечитаемым.) Наконец записка была расшифрована.

² *Луис Альберто Риарт Вера* – парагвайский политический деятель, временный президент Парагвая с 17 марта по 15 августа 1924 года, вице-президент Парагвая с 15 августа 1939 года по 18 февраля 1940 года, а также занимал различные посты в правительстве.

— Черт подери! — сказал советник по-русски. — А ведь дело пахнет дракой.

Спохватившись, гость перешел на испанский, слово в слово повторив для Риарта то, что невольно сорвалось у него с языка. Впрочем, министр несколько не удивился чужой речи, ибо на самом деле досточтимого дона Хуана звали Иваном Тимофеевичем Беляевым, и являлся тщедушный и интеллигентнейший советник парагвайского Генерального штаба потомственным дворянином, петербуржцем, артиллеристом лейб-гвардии, разработавшим для русской армии первый Устав горной артиллерии и в годы Первой мировой в чине командира артдивизиона принявшим самое активное участие в знаменитом Брусиловском прорыве. Не менее бурное участие добрейшего Ивана Тимофеевича в событиях 1917–1918 годов (а именно в становлении белогвардейской армии, налаживании работ по производству оружия на Харьковском паровозостроительном заводе) и его особо доверительные отношения с командующим Добровольческой армией генералом Кутеповым в дальнейшем обеспечили создателю Устава горной артиллерии гарантированную эмиграцию без всякой надежды на возвращение в Россию. Сухонький и активный инспектор артиллерии Добровольческой армии Беляев давно уже был взят на мушку революционными матросами, немало потерпевшими от огня его батарей, прикрывавших эвакуацию белогвардейских войск из Новороссийска.

Будучи уже врангелевским генералом, бежал он от расвирепевших большевиков на последнем корабле в Галлиполи, затем мыкался в Болгарии и, отказавшись от карьеры шофера парижского такси, в середине двадцатых годов подался в Аргентину, где, впрочем, тоже не задержался, ибо мятущемуся духу Ивана Тимофеевича уклад жизни тамошней русской общины показался попросту невыносимым. Его можно было понять. Угнездившиеся с конца девятнадцатого века в Буэнос-Айресе русские, с которыми встретился отставник, коротали годы замкнутым кругом, а их дети, быстро привыкнув к здешнему танго и лучшим в мире отбивным из мраморной говядины, по славной отечественной привычке переняли местные обычаи до такой степени, что отличались от аборигенов разве что нательными крестами. К ужасу бывшего генерала, мечтавшего о единении всех россиян за границей, старожилы смотрели на оборванных, прокопченных пожарами Гражданской войны соотечественников далеко не ласково и принимать их в «общество» не торопились. Доходило до того, что они попросту гнали с порога своих домов, как нищих с паперти, и пострадавших за царя и Отечество седых рубак, и бывших депутатов Государственной Думы.

Впрочем, вновь прибывшие тоже могли поддаться жарку. Белогвардейские поручики и капитаны, привыкшие решать проблемы при помощи шашек и револьверов, после двух лет выяснения отношений с победившим гегемоном мягкостью манер не отличались. Один такой случай откровенного хам-

ства стеснительный и тактичный Иван Тимофеевич наблюдал лично. Его знакомые – супружеская пара, перебравшаяся в аргентинскую столицу еще до революции и процветающая здесь на торговле превосходной говядиной, – в отличие от многих «старых русских» приютили у себя двух наглецов из корпуса Май-Маевского, «рубавших большевичков, словно соломенных кукол». Вскоре самаритяне вынуждены были убедиться в том, что несколько поторопились с гостеприимством: однажды за завтраком господа офицеры, заявив, что им осточертели бесконечные котлеты, швырнули их хозяевам в лицо.

Старые и новые иммигранты, постоянно сталкивающиеся на улицах аргентинской столицы и под сводами двух местных православных храмов, мягко говоря, недолюбливали друг друга. Отчаянные попытки священников примирить христолюбивых чад всякий раз терпели крах. Не прошло и месяца мытарств, как Беляев окончательно осознал: что касается аргентинской общины, в ней торжествует едва прикрытый приличиями закон крайнего эгоизма. Сие прискорбное обстоятельство заставило Ивана Тимофеевича обратить свой взор на соседний Парагвай, тем более что с этим несчастным государством его связывало нечто большее, чем просто желание в очередной раз сменить место жительства.

Следует прояснить стремление будущего советника парагвайской армии переехать в страну, значительную часть которой занимала неисследованная сельва, густо заселенная

дикарями. Начитавшийся в детстве приключенческих книжек не только до одури, но, увы, до умопомрачения, помещавшийся на индейцах, прериях и джунглях, имевший в постоянных товарищах Фенимора Купера и Майн Рида Беляев ко всему прочему принадлежал к тому типу русских людей, на жизни которых влияние прочитанных книг оказывалось настолько велико, что оно, как правило, начисто разрывало всякую связь с реальностью и зачастую разрывало на части их самих. Почтенный отец будущего натуралиста, географа и антрополога Тимофей Михайлович Беляев, гвардеец, комендант Кронштадтской крепости, совершил стратегическую ошибку, отдав сына на поруки семейной библиотеке и дедовским сундукам (в одном из этих хранилищ, кроме приключенческих и географических книг, ко всему прочему отыскалась старинная карта Парагвая). Так, благодаря превосходному книжному собранию в отцовском доме и все тем же сундукам уже к шестнадцати годам Беляев-младший сделался законченным утопистом. Вот почему и в кадетском корпусе, куда он был отдан несмотря на свою граничащую со слепотой близорукость, и в Михайловском артиллерийском училище юноша бледный часто вперивал свой подслеповатый взгляд в не менее унылое, чем учебный плац или артиллерийские позиции на полигоне, серое, словно поношенная шинель, петербургское небо, узревая вместо него вымытые до белизны небеса Латинской Америки. Скажем более: юный Иван чуть ли зубами не скрежетал, желая ворваться на

лихом коне с казацкой шашкой наголо в Южную Америку и устроить там хорошенькую рубку ненавистных ему плантаторов ради индейского освобождения. Остается добавить: именно Парагвай в восторженном бреде кадета, затем юнкера, затем офицера, а затем и врангелевского генерала, благодаря все той же найденной в детстве карте, занимал особое место, о чем и будет рассказано позже.

Кроме того, наложилась на мечту иммигранта Беляева о всемирном индейском братстве еще одна сжигающая его душу утопия – поиск земли обетованной для всех обездоленных страдальцев оставленной Богом России. Столкнувшийся с аргентинской реальностью Беляев страстно мечтал создать в Парагвае настоящий «русский ковчег». Все это привело к тому, что колокольчик над дверями парагвайского посольства в Буэнос-Айресе вскоре возвестил обитателей особняка о визитере. Кандидата на парагвайский паспорт приняли весьма сухо. Не все дипломаты являются проводниками, разглядеть в неприметном интеллигенте будущего дивизионного генерала и почетного гражданина Республики Парагвай не смогли ни референт посольства, ни атташе, ни сам господин посол, голова которого была забита в тот момент совершенно иными делами: на его горячо любимой родине шла стрельба и провозглашались марксистские лозунги – словом, во всех парагвайских городках слышалась музыка революции. Скромному русскому предложили прийти, когда закончится катавасия. Беляев вынужден был откланяться и

ждать, продолжая интересоваться аргентинскими газетами и заодно совершенствуя свой испанский.

Ждать, впрочем, пришлось недолго. Вскоре из газет стало известно: смута завершена, и в Аргентину прибывают важные игроки – президент Парагвая Мануэль Гондра и оборонный агент Санчес. Почитатель Фенимора Купера вновь оказался перед посольской дверью. На этот раз он явился как нельзя более вовремя: оба политика встретили романтика с распростертыми объятиями.

– Нам позарез нужны строители, врачи, инженеры. Но прежде всего – офицеры! Особенно артиллеристы! Кажется, вы два года потчевали коммунистов шрапнелью? И кроме того, наверняка знаете основы фортификации. Милости просим в Военную школу!

Предложенные пять тысяч песо в качестве зарплаты еще более вдохновили пообносившегося пассионария. Сборы отличались поистине суворовской стремительностью. Погрузившись в одно прекрасное утро вместе с молодой женой на пароход, неугомонный Иван Тимофеевич, попеременно обдуваемый речным ветерком и угольным дымом из трубы, под истошные крики попугаев, доносящиеся из зарослей по обоим берегам Параны, проплыл энное количество миль вверх и высадился с несколькими скромными чемоданами на набережной Асунсьона – города, поразившего будущего предводителя краснокожих своей провинциальностью. Еще бы! В парагвайской столице даже дамы разгуливали без башмаков,

надевая их лишь на улицах, вымощенных булыжником, — этих улиц в городе было чуть больше, чем автомобилей. На фоне невзрачных домишек, утопающих, впрочем, в райских куцах садов, весьма скромный по российским меркам президентский дворец, а также здания городской управы и трибунала выглядели чуть ли не небоскребами. На улице Пальмас чету иммигрантов Беляевых встретили магазины, которые пытались тягаться с парижскими роскошью витрин, однако в остальном скромность здешнего бытия выглядела вопиющей — повсюду мелькали босые ноги, нищие весело просили на хлеб, шныряли мальчишки с физиономиями профессиональных карманников, базарные торговки в центре столицы перекрикивались друг с другом и с покупателями со страстью тропических птиц. Все здесь дышало такой патриархальной, почти библейской простотой, что неожиданно вспыхнувшее вечером на некоторых улицах и в некоторых домах электричество вызвало у Ивана Тимофеевича и его «заиньки» поначалу оторопь, а затем почти что детский восторг.

Итак, домик был снят, жена распаковала вещи. Растущее во дворе дерево квебрахо (или «сломай топор») потрясло нового хозяина крепостью древесины — он тут же объявил квебрахо своим талисманом.

Визит к начальству Военной школы завершился полным триумфом. На вопрос генерала Хосе Феликса Эстигаррибии о достоинствах и недостатках трехдюймового горного

орудия системы «Данглиз-Шнейдер» образца 1909 года последовал обстоятельный ответ, касающийся не только тактико-технических данных, но и особенностей применения хорошо знакомой Беляеву пушки в качестве зенитки. Несколько советов бывшего артиллерийского инспектора относительно учебного процесса, данные с таким же знанием дела и с не менее удивительным тактом, тоже не остались без внимания. Представители учебного заведения были в восторге, и вскоре Хуан Беляев, имеющий несомненный дар к иностранным языкам, взялся за обучение стриженных под ноль мальчишек фортификации и французскому, на котором Иван Тимофеевич общался со скоростью смышленного гарсона из парижского кафе.

Однако Майн Рид и Фенимор Купер никуда не девались. Во время перерывов между занятиями странный русский усаживался со стаканчиком мате возле постоянно распахнутого окна служебной комнаты, и мечты вновь подхватывали его, унося далеко за пределы пыльного плаца школы – в сельву, в кишащие удивительными существами заросли, туда, где прятались в пальмах хижины гуарани³. Беляев по-прежнему бредил индейцами, не отрекаясь, впрочем, и от другой своей идефикс.

За приездом спецом пристально следил парагвайский

³ Группа индейских народов в Южной Америке, говорящих на языках гуаранийской группы. Проживают в основном на территории Парагвая, а также в соседних с Парагваем районах Бразилии, Аргентины и Боливии.

Генштаб. Последствия наблюдений не заставили себя долго ждать: вскоре знаток артиллерийского дела оказался в кабинете военного министра. Радужный политик одним выстрелом сбил двух вальдшнепов, предложив гостю пригласить в Парагвай тех белогвардейских скитальцев, которые вслед за Беляевым пожелали бы обрести здесь пусть и скупую на поддержку в виде заработной платы, но все же родину (приветствовались офицеры, путейцы, врачи и профессора). В ответ за помощь в создании русской колонии от дона Хуана попросили совсем немного, а именно: организовать нескольких экспедиций в приграничную область Парагвая, где тот соседствовал с Аргентиной, Бразилией и все той же Боливией, намерения которой вырисовывались все более отчетливо.

Беляев замер, когда Риарт произнес «Великий Чако»⁴. Диккий тропический район Чако был таинствен! Он был велик! До этого первозданного края за четыреста лет своего господства не смогли добраться даже конкистадоры, готовые колонизировать и Луну. На всех без исключения картах мира Чако обозначался огромным *белым пятном*. Что он на самом деле таит в себе, не знали ни географы, ни зоологи, ни католические монахи, несколько раз без всякого успеха пытавшиеся сунуться в густые кущи между реками Парагвай и Пилькомайо. Замысел Риарта был грандиозен: новому

⁴ *Gran Chaco* – слабозаселенный, жаркий тропический регион в бассейне реки Парана, административно разделенный между Боливией, Парагваем, Аргентиной и Бразилией. Представлял собой неосвоенную территорию, остававшуюся практически неисследованной вплоть до 1920-х годов.

парагвайскому гражданину предстояло нанести на карту ту часть полных опасностей, какие только можно вообразить в дикой сельве, неизведанных земель, которые пока еще принадлежали Парагваю, но на которые уже зарились боливийские стратеги вкупе со своими североамериканскими друзьями. Иван Тимофеевич едва сдержал себя, чтобы здесь же, в министерском кабинете, не пасть на колени и не возблагодарить Господа за то, что Всемогуший наконец-то услышал его тайные помыслы.

Уже на следующий день Главный почтамт Асунсьона принял от Беляева первый десяток писем. Что касается другой части соглашения, то бывшего артиллериста уже не могли остановить ни уговоры жены, ни подточенное здоровье, ни остужающий любую трезвую голову факт, что неизведанная область, которую предстояло штурмовать, имела размер в половину Франции. Иван Тимофеевич взялся за изучение местной флоры и фауны с рвением, которому мог бы позавидовать неустомимый Паганель.

Парагвайский Генштаб в силу стесненности в средствах финансировал экспедиции довольно скупой, но следопыт не роптал, довольствуясь тем, что есть. Беляев следовал по заросшим сельвой берегам рек, прибегая к услугам выносливых местных носильщиков и незаменимых мулов, зарисовывая с натуры птиц, зверей, деревья и обозначая на карте не только стратегические высоты, впадины и ложбины, но даже самые мелкие ручьи. Неожидаанное появление нового Ми-

глухо-Маклая в индейских селениях района Чако потрясло их обитателей. Однако не успели затянуться болотной водой следы первого посещения Иваном Тимофеевичем становищ непуганых детей природы, по впечатлению сравнимого разве что с визитом инопланетянина, как, спешно организовав вторую экспедицию, он вновь появился возле индейских костров. Обаяние свалившегося наиндейские головы белого странника обезоружило даже воинственных ичи́ко⁵, которые с восторгом пробовали на зуб привезенные ножи и разглядывали подаренные им ткани. Беляев изводил на покупки даже личные деньги, но никто не остался без подарков.

Любовь северянина к обитателям сельвы коснулась всех без исключения местных Пятниц. И любовь эта не натолкнулась на стену. Индейцы окружили невзрачного человека, для которого потеря пенсне была самой страшной из катастроф, не менее искренним обожанием. Так благодаря милости Божией Иван Тимофеевич наконец-то попал в свою истинную стихию. Не о ней ли мечтал он до самозабвения и на унылых практиках по возведению батарейных позиций под Красным Селом, и в царскосельском госпитале, и на обильно удобренных трупами галицийских полях, и в поставленном на дыбы эвакуацией Новороссийске, и в равнодушном Париже, и в чопорном Буэнос-Айресе? С восторгом принимая теперь каждый звук, вырывавшийся из индейской глотки, и каждый жест, которым тот или иной танцор в перьях со-

⁵ На языке гуарани – молодой воин.

проводил свой танец, дон Хуан высыпался в индейских гамаках, прятался от тропических ливней под крышами незатейливых индейских домов, усердно работал веслом, сплавляясь с местными рыбаками по очередной безымянной реке, тянул сети, охотился на обезьян и совершал еще множество больших и мелких дел, успевая записывать, зарисовывать, запоминать, впитывать в себя все чудеса здешнего первозданного мира. Достижения были налицо: за три года Беляев умудрился изучить быт, язык и верования племен мака и чимакоко⁶ столь исчерпывающе глубоко, что это сделало бы честь и чопорному до шнурков лакированных туфель академику-антропологу из Оксфорда.

Что касается соотечественников, то письма сработали. Прибывающие в Парагвай один за другим переселенцы выгружали скромные баулы на асунсьонской набережной, тащаась на рутину здешней жизни. Впрочем, шок проходил весьма быстро. Дипломированные выпускники Петербургского технологического института и Института путей сообщения, едва наладив быт, брались за дело, по которому они так соскучились за баранками таксомоторов Люксембурга и Бордо. В казармах парагвайской армии все чаще слышались экзотические ругательства. Хотя солдаты и не понимали смысл нареканий, энергичные словосочетания из уст свалившихся на их голову пришельцев из далекой России дей-

⁶ Индейские племена, ведущие кочевой и полукочевой образ жизни; проживают в Парагвае.

ствовали не хуже капральских палок, заставляя самых непонятливых и ленивых моментально осваивать винтовку «Маузер М-93» и с быстротой личинки муравьиного льва зарываться в красную тропическую почву. Все чаще и чаще из глоток обитателей армейских казарм с непередаваемым акцентом вырывалось незабвенное «соловей, соловей, пташечка», а молодецкий посвист, которому ветераны Мировой и Гражданской научили своих подопечных, распугивал местных красоток, прогуливающих под казарменными заборами в ожидании возлюбленных.

Пока русские офицеры вместе с вверенными им батальонами месили песок полигонов и стрельбищ, путейцы не покладая рук трудились на строительстве дорог. Колония пришельцев росла на глазах, потихоньку выбираясь за пределы Асунсьона. В окрестных землях среди вечнозеленых кустарников один за другим вырастали дома, хозяева коих с энтузиазмом брались за плуг. За плетнями новых жилищ возделывали огородные грядки женщины, вид которых переносил любого русского патриота в столь любезные его сердцу Псковскую или Новгородскую губернии. В палисадах перед домами поселенцев дымили самовары, возились в пыли детишки с вздернутыми носами и белокурыми копнами на головах; от бросаемых бит во все стороны разлетались рюхи, и по вечерам, когда пальмы милосердно прятали в своих кронах порядком подуставшее солнце, окрестность время от времени оглашал бас Шаляпина, вырывавшийся на парг-

вайский простор из трубы граммофона.

Мечта Беляева о ковчеге, кажется, начинала сбываться. Впрочем, пристроив более сотни соотечественников к военному и инженерному делу, Иван Тимофеевич не забывал и о тропическом междуречье, обнаруживая все новые индейские колодцы, исследуя потаенные тропы, лощины, холмы, годные для создания укрепленных пунктов, и тщательно фиксируя их координаты. Презентуемые Генштабу пухлые планшеты с итогами работы очередной экспедиции задавали немало работы армейским топографам, которые тоже не зря ели свой хлеб.

Опасности путешествий, такие как встреча на тропе с ягуаром или знакомство с жараракой обыкновенной (однажды Беляев просто чудом не наступил на замаскировавшуюся змею), неизбежные, словно детская корь, неоднократно подтверждали неизменное правило: Господь благоволит к блаженным. Вот почему всякий раз «заинька» имела счастье лицезреть благополучно возвратившегося из очередной командировки супруга, истерзанного колючками и москитами и пропахшего дымом до такой степени, что его приходилось буквально отмачивать в ванне. Сюрпризом для «заиньки» стало и то, что уже после третьей экспедиции Ивана Тимофеевича маршрут Асунсьон – сельва стал двусторонним. За Беляевым из тропических дебрей цепочкой потянулись его лесные друзья. Просочившись в дом, они обживали комнаты с чисто цыганской непосредственностью, пользуясь без-

границным добродушием хозяина. Вскоре гости заполнили жилище до такой степени, что «заинька», терпение которой предсказуемо истощилось, то и дело спотыкалась о вытянутые тут и там ноги. Ко всему прочему, индейцев, а также их жен и детей, приходилось кормить. Не удивительно, что на первый план из целого множества предметов, которыми обросла чета Беляевых, выдвинулся котел, постоянно кипевший во дворе. Походный чайник генерала-инспектора, повидавший и степи Новороссии, и снега Кавказа, и лагеря для перемещенных лиц, также не имел права уйти в отставку: днем и ночью ветеран посвистывал носиком, снабжая желающих чаем.

Конечно, мака и чимакоко, у которых благодарность входила в число самых почитаемых добродетелей, вносили немалую лепту, снабжая своих благодетелей всевозможными фруктами, мясом тапиров и прочими дарами сельвы, однако недюжинный аппетит постояльцев не позволял создавать запасы. Их слоняющиеся по двору детишки отличались особой прожорливостью, но любые попытки даже после обильного завтрака потихоньку выхватывать из котла лакомые кусочки пресекались супругой хозяина на корню.

В отличие от жены, которая без стеснения могла наподдать особо обнаглевшему потомку очередного индейского вождя, Иван Тимофеевич продолжал благоволить к детям природы до такой степени, что готов был делиться с ними не только собственными рубашками и брюками, но даже и баш-

маками, являющимися для гуарани немислимой роскошью. Пока «заинька» отскребала полы, хранившие следы очередного визита лесных гостей, или гоняла тряпкой маленьких сорванцов, он то пропадал в очередной экспедиции, то, отскобленный пемзой в ванне добела, проводил дни в окружении галдящих аборигенов сельвы, разбирая походные записки, систематизируя гербарии, обдумывая словари индейских языков и не забывая самым подробнейшим образом консультировать парагвайских военных во всем, что касалось ручных пулеметов Мадсена, минометов системы Стокса – Брандта и строительных материалов для сооружения опорного пункта Нанава в том же Чако (из древесины, пригодной для наиболее важных узлов обороны, Иван Тимофеевич особо выделял не поддающееся топору квебрахо). Разносторонняя и неудержимая деятельность этого специалиста по антропологии, артиллерии и фортификации привела к тому, что уже к тридцатым годам биография этого неказистого, рассеянного с виду, целиком зависящего от своих очков человека абсолютно соответствовала определению «выдающаяся». Но главное было еще впереди.

Таинственное озеро

– Может быть, это рекогносцировка?

Вопрос Риарта, обращенный к советнику, выглядел далеко не праздным. Уже упомянутую записку адресовали своему благодетелю индейцы племени чимакоко, мобилизованные Беляевым на охрану условной границы района Чако-Бореаль. На драгоценной бумажке, которая, судя по виду, прошла испытания и лесной влагой, и тропическим солнцем и которую с таким усилием расшифровал Иван Тимофеевич, было накарябано: «Десять боливийцев на мулах прошли знак вблизи границы, которую ты поручил охранять. Если ты не придешь немедленно, область попадет в их руки. Саргенто Тувига, вождь чимакоко. Со слов записал кап. Гасиа Пуэрто Састре».

Военная косточка тут же дала о себе знать – в доне Хуане одновременно проснулись прадед, дед и отец. Моментальное преобразование Ивана Тимофеевича из добродушного интеллигента в сосредоточенного штабиста в очередной раз убедило военного министра в том, что он, Луис Риарт, несомненно, имеет собачий нюх на нужных стране людей.

– Индейцы убеждены: в глубине Бореаля расположено гигантское озеро, – сказал дон Хуан. – Обнаружение водоема и нанесение его на карту не только гарантирует славу первооткрывателя и признание в научном мире тому, кто пер-

вым окажется на его берегах. Контроль над озером – обязательное условие и вместе с тем единственное верное решение для нас в случае боливийской агрессии. Отсутствие такого контроля рано или поздно приведет сторону, которая не сможет овладеть резервуаром пресной воды в центре Чако, к поражению, невзирая на воинский контингент, аэропланы и прочие достижения техники... Отсюда вывод: тот, кто первым найдет большую воду в сельве, победит еще до начала боевых действий. Боливийцы понимают это не хуже нас с вами, поэтому и кинули пробный шар. Появление их отряда на нашей границе – не обычное прощупывание местности, дон Луис. Можно не сомневаться: они появятся там еще и еще...

Адъютант, охраняющий в приемной потешный головной убор советника, повинуясь колокольчику в руке военного министра, проскользнул в кабинет, заставив дона Хуана прерваться. С ловкостью бывалого официанта штаб-майор за пять секунд сервировал столик, разделяющий кресла собеседников. Пока дон Луис обдумывал положение, бывший белогвардейский генерал по глотку отхлебывал мате, вслушиваясь в тишину, едва разбавленную шуршащим вентилятором. Впрочем, молчание было недолгим. Переваривший важную для себя информацию министр поднял глаза, и гость продолжил размышлять вслух.

– Я вел долгие разговоры с мака и чимакоко. Несмотря на то, что по известной нам обоим причине... – Здесь советник внимательно посмотрел на министра, и Риарт кивнул, давая

понять, что осведомлен о проблеме. – Так вот, несмотря на то, что по известной нам обоим причине представители этих племен никогда не добирались до тех мест, индейцы настолько уверены в существовании природного резервуара, что ни разу не поставили задаваемый им вопрос о «большой воде» под сомнение. Если боливийцы найдут озеро раньше и, не дай Бог, оставят на его берегу хотя бы два десятка солдат с парочкой пулеметов, мы сразу теряем все. Оттуда по водным артериям противник может выйти на железную дорогу Касадо, напрямиком на сто пятьдесят третий километр, отрезав таким образом гарнизоны, прикрывающие селения, и появиться на берегах реки Парагвай. Такого сценария Генштаб не должен допустить ни в коем случае – хватит с вас злосчастной Парагвайской войны. Я готов исследовать ту область.

Талант в нескольких предложениях формулировать суть дела был отточен Беляевым еще в кутеповских и врангелевских штабах. К его удовлетворению, политик, словно жадная чайка, схватывал все на лету. Оба разом посмотрели друг на друга. Советнику ничего не нужно было добавлять – дон Луис все понял.

– Благодарю! – откликнулся Риарт, обрадованный тем, что ему не пришлось просить дона Хуана об оказании очередной услуги парагвайскому народу.

– Иного выхода не существует в принципе, – ответил тот. – У меня нет никаких причин не доверять индейцам. Подытожим: необходима немедленная экспедиция к озеру. Разу-

меется, наша с вами договоренность должна быть известна лишь президенту республики и узкому кругу должностных лиц. Впрочем, это на ваше усмотрение.

– Со своей стороны обещаю сделать все возможное для прибывших в Парагвай русских. – Судя по дрогнувшему голосу Риарта, привыкшего к вполне объяснимому для деятеля такого ранга лицемерию, его эмоции на сей раз были искренними. – А именно – предоставляю вам полный карт-бланш в выборе земель для колонии.

– Не сомневаюсь в вашей порядочности, дон Луис.

– Необходимые распоряжения насчет экспедиции будут отданы завтра утром. Военное казначейство на этот раз не покусится. Да! Мои стрелки – в вашем распоряжении. Я лично выделяю самых метких из президентской охраны.

– Как раз в этом случае я ограничусь необходимым, – ответил дон Хуан. – Благодарен за стрелков, но, как вы сами понимаете, для такого предприятия меньше всего подходят снайперы...

– Целиком полагаюсь на ваш опыт!

Когда министр и его гость соблюли все полагающиеся церемонии, а именно допили мате и обсудили достоинства двух с половиной дюймовой горной пушки Барановского, вновь превратившийся в провинциального учителя Иван Тимофеевич отказался от предложенного автомобиля:

– После скитаний в джунглях прогулка по городским улицам, да еще вечером, составит для меня истинное удоволь-

ствие. К тому же нужно кое-что обдумать. Поверьте, я не против технического прогресса, но тряска не способствует сосредоточенности.

– Не все сразу, дон Хуан! – рассмеялся Риарт. – Надеюсь, русские инженеры, проложив еще парочку-другую дорог в провинции, доберутся и до Асунсьона. Хотелось бы верить, что с их помощью мостовые наших улиц станут так же прекрасны, как в Москве и Петербурге.

Офицеры, коротавшие смену возле ворот и хорошо знавшие вечернего посетителя по учебным классам при Военной школе, одновременно отдали дону Хуану честь. Прежде чем миновать круги тусклых электрических фонарей и довериться тьме за дворцовой оградой, Иван Тимофеевич помахал беретом этим бодрым, полным жизненных сил молодым людям, еще не знающим о том, что уже вскоре их ждут окопы Нанавы.

Патриотизм патриотизмом, а деньги деньгами...

Карта Чако, не без стараний дона Хуана пестрящая обозначениями троп, ручьев, ложбин, индейских селений и имеющая посередине то самое белое пятно (именно в центре пятна, в девственно чистой *terra incognita*, по предположениям гидрологов и местных вождей, сельва спрятала головную боль парагвайских штабистов), осталась на столе в кабинете – военный министр отложил общение с ней до утра.

Когда машина министра, урча, неторопливо добралась до главной парагвайской гостиницы, веселье на террасе «Гран Отель-дель-Парагвайя» завершилось. Молодежь оттанцевала свое: в парке перед отелем звенели, переплетаясь, голоса кокеток и их юных спутников, но песенка сегодняшнего танго была спета. Оркестранты промокали пот носовыми платками и заботливо, словно младенцев в коляски, укладывали в чехлы инструменты. Официанты, не скрывая усталости, освобождали на террасе столики от оплывших свечей. Отяжелевшие любители каньи собирались на выход, редкие парочки были слишком увлечены собой, и появление на террасе щеголеватого господина с тростью привлекло внимание лишь устроившегося за крайним столиком гостиничного постояльца.

Господин с тростью и постоялец кивнули друг другу. Не успел вошедший придвинуть к себе плетеный стул, как оставшиеся огни погасли, открывая взорам полуночников одну из самых главных достопримечательностей парагвайской столицы – тропическую ночь. Музыка окончательно стихла, однако свято место пусто не бывает – на дежурство заступили целые хоры звенящих насекомых. Неистовство местных цикад, способное заглушить даже самые громкие разговоры, оказалось на руку двум встретившимся джентльменам.

– Вновь не вижу на вашем столике мате, мистер Бьюи. – Риарт прислонил к столешнице трость и, повертев шляпу, положил ее себе на колени. – А ведь это, увы, то небольшое, чем может похвастаться моя родина.

– Не переживайте за свою родину! Просто всему на свете я предпочитаю индийский чай, – откликнулся представитель почтенной британской фирмы «Шелл Ойл». – Знаете, когда мне довелось работать в Глазго, нам доставляли его прямоком из Калькутты в особых воощеных ящичках, перевязанных бечевкой. Он изумителен! Стоило только распахнуть крышку, распространялся непередаваемый аромат.

– В таком случае сойдемся на чем-нибудь нейтральном. Коньяк? Виски? Канья?

– Я заказал кофе, но его не торопятся принести, – пожаловался англичанин.

– Тогда воспользуемся моментом, прежде чем нам поме-

шает какой-нибудь полусонный мальчишка с давно остывшим кофейником.

– С превеликим удовольствием! Итак, с чего начнем?

– Разумеется, с новостей.

– Извольте. Насколько мне известно, наши милые конкуренты, судя по всему, закусили удила: они уже в открытую подначивают своих подопечных, – заметил мистер Бьюи, доставая из нагрудного кармана пиджака две обернутые в упаковочную бумагу сигары, одна из которых тотчас была предложена собеседнику (впрочем, дон Луис отказался от угощения). Крошечный факел спички на секунду высветил лицо англичанина, вытянутое, как у лошади, с крупным носом, нависшим над верхней губой. – Дело касается не только геологоразведочных партий. «Стандарт Ойл» активно вербует в боливийскую армию чилийцев, немцев и даже чехов.

– У меня такое чувство, что здесь толчется весь мир, – устало посетовал Риарт.

– Он всегда толчется там, где пахнет деньгами, – ответил мистер Бьюи. – Вас это не должно удивлять.

– Меня удивляет другое, – не сдержался министр. – А именно: ваша уверенность в том, что сельва принесет дивиденды.

– Не скрою, можем и прогадать, – невозмутимо кивнул англичанин. – Однако, судя по прогнозам весьма уважаемых в научном мире специалистов, вероятность того, что Чако преподнесет приятный сюрприз, весьма велика. Иначе с чего

бы любезным соседям Республики Парагвай водить дружбу с бывшими кайзеровскими генералами и загребать целыми партиями винтовки, пулеметы и горные орудия?

– Заметьте, мистер Бьюи, они загребают, как вы выразились, все это из британских арсеналов. Плохое начало для доверительных отношений. Тем более, как я понимаю, у руководства фирмы есть кое-какие рычаги в парламенте.

Англичанин засмеялся. Огонек его сигары походил на подмигивающий глазок.

– Увы, слухи о могуществе «Шелл Ойл» несколько преувеличены, – вздохнул он, насладившись медленной затяжкой. – Мы не можем влиять на решения «Виккерс». Однако политика – вещь весьма причудливая. Насколько мне известно, ваше ведомство совсем недавно закупило тридцать два крупнокалиберных американских пулемета «Браунинг».

– Цифры несопоставимы, – заметил Риарт. – Хотя вынужден признать: политика – штука чрезвычайно противоречивая.

– Вот видите! Выгода никуда не денется. На выгоде, как на фундаменте, держится человечество. Уберите ее – и все строение цивилизации рухнет.

Глазок сигары на мгновение прикрыл свое веко, затем сверкнул, и невидимое в темноте облачко дыма вновь дотянулось до Риарта.

– Я не собираюсь цитировать Маркса, оставим это большевикам, но этот бухгалтер во многом был прав, – продол-

жил Бьюи. — Мир таков, что в нем не осталось места для национальной гордости, если, конечно, она не подкреплена надежной банковской системой или, на худой конец, дюжиной до зубов вооруженных дивизий.

Кофе все-таки был доставлен. Насчет местного гарсона министр оказался прав: присланный из недр ресторанной кухни с последним на сегодня заказом парнишка очнулся от дремы только тогда, когда в его протянутую руку легло несколько песо.

Покончив с чашечкой за три глотка, англичанин вновь не смог отказать себе в удовольствии сделать затяжку. Риарт ждал, когда он заговорит. И дождался.

— Надеюсь, вы в курсе, что число бравых немецких унтеров в боливийской армии уже перевалило за двести человек? Дорогой дон Луис, у вас нет выбора. Вам ни в коем случае нельзя опоздать на пиршество, хотя бы потому, что нефть — это не просто черная жижа, которую по контрактам — и кстати, весьма выгодным для вас контрактам — будут выгребать из недр дюжие молодцы в оранжевых куртках. Простите, но мне кажется, вы даже не отдаете себе отчета в том, насколько важен предварительный договор с нами для страны, которая пока — подчеркиваю, *пока* — может похвастаться лишь мате. Не обижайтесь, но вы, военные, по традиции заскорузлые консерваторы: привыкли скакать на лошадях. Это, кстати, касается и нашего генералитета, — засмеялся англичанин. — Итак, нефть — не только экзотические для местных абориге-

нов автомобили, которые чудом еще не развалились от ужасающих дорог. Нефть – не только аэропланы и танки. Не только канонерки. Не только возможность бить противника в небе, на земле и на реках, отстаивая свою независимость. Это – квинтэссенция современности. Ее магистерий. И от вас зависит, будете ли вы им обладать и, следовательно, войдете в двадцатый век независимым государством, или останетесь за бортом. Смею вас заверить, отсидеться не удастся. В противном случае страну сожрут, и сожрут безжалостно – поверьте, я знаю, о чем говорю. Ваш бедный, несчастный Парагвай боливийцы закидают бомбами и раздавят все теми же танковыми гусеницами.

– Все в руках Божьих, – ответил облеченный государственной властью католик.

– Знаете, многие любят тешить себя историей о взаимоотношениях Голиафа с Давидом, – засмеялся Бьюи. – Поверьте, не тот случай. Оставим библейские притчи священникам. Как говаривал Наполеон, в реальной политике важно только количество батальонов, помноженное на превосходство в артиллерии. Кстати, вы правильно сделали, что пригласили русских. Они старые знакомые с немцами по недавней войне. Представляю, как у них чешутся руки...

Луис Риарт, промолчав, наблюдал за тенями, мелькающими на противоположной стороне улицы. Город продолжал бодрствовать. Цокали экипажи. Цикады были неутомимы. В парке еще раздавался смех. Планеты и звезды, рассыпавшие-

ся по всему небу, свидетельствовали о величии мироздания, на которое озабоченный парагвайскими недрами представитель «Шелл Ойл» даже и не пытался взглянуть. Англичанин в очередной раз пыхнул сигарой.

– Конечно, мы не ангелы и продвигаем свои интересы, о которых я уже имел честь вас уведомить, – не дождавшись ответной реплики, продолжил он. – Планы «Шелл Ойл» никто не собирается камуфлировать. Напротив, мы готовы открыть карты, иначе я не оказался бы здесь, в этом чудесном городе и в этой чудесной гостинице, и не занимал бы номер, к которому, учитывая его весьма солидную цену, все же предъявляю кое-какие претензии. По моему глубокому убеждению, бизнес должен быть честен. Ведь и Парагвай выигрывает не меньше: будущее принесет не только ощутимые прибыли, но и политическую поддержку.

– Чако-Бореаль – уравнение со многими неизвестными, – ответил Риарт. – Дикость тех мест такова, что после двенадцати экспедиций мы не имеем никакого представления о его центральной части. Соваться туда чрезвычайно опасно.

– Вы намекаете на малярию?

– Есть вещи страшнее малярии.

– Да, да, насчет тамошних мест до меня дошли кое-какие сведения, – откликнулся мистер Бьюи, еще раз обозначая свою осведомленность. – И, насколько я понимаю, в последнее время вы активно заинтересовались чакскими болотами...

— Ну, ваши сведения не совсем точны, — пробормотал Риарт.

— Бросьте! Все дальнейшие действия вашего ведомства — секрет Полишинеля, — отмахнулся всезнайка. — Даже назову исполнителя: это господин Беляев. Я слышал недобрую весть: за голову этого *неумного* энтузиаста боливийцы готовы отвалить ни много ни мало тысячу фунтов стерлингов. Не сомневаюсь, что объявленное вознаграждение подвигнет всяких мерзавцев на активные действия, тем более что, благодаря гостеприимству боливийских вооруженных сил, в регионе скопилось предостаточно авантюристов. Да и в Парагвае наверняка найдутся свои Гаи Фоксы. При таком раскладе удивительно, как ваш картограф еще жив. Подозреваю, здесь не обходится без камланий индейских шаманов. Кстати, он по-прежнему помешан на создании русской колонии?

Ночь скрыла ответный взгляд Риарта, однако мистер Бьюи все понял.

— Простите, что выхожу за рамки. Ничего личного, обыкновенное любопытство. Сразу обозначу мнение тех, кто послал меня в этот рай земной: к изгнанникам из Советской России подданные Его Величества совершенно нейтральны. Что касается собственных воззрений, то готов еще раз похвалить вас за дальновидность: русские офицеры для Парагвая являются весьма ценным приобретением, хотя, при всем их желании схватиться с бошами, они не заменят столь необходимые для военных действий финансы.

Светляки, лишь изредка мелькавшие до этого момента над террасой, неожиданно собрались в огромный рой, осветив прилегающие кусты. Начался фейерверк: фосфоресцирующие облака рассыпались на отдельные искорки, гасли и вспыхивали вновь, крошечные существа чертили в воздухе завораживающие зигзаги – славный привет от близкой сельвы. Зрелище не могло не увлечь даже флегматичного мистера Бьюи. Внезапно все разом погрузилось во тьму, глазок сигары остался гореть одиноким маячком.

– Хорошо, – после долгого молчания отозвался Риарт. – Я переговорю с президентом.

– Вот и славно, – откликнулся англичанин. – И еще одно дело. Совсем незначительное. Скажите, дон Луис, как вы относитесь к творчеству сэра Артура Конан Дойля?

Вопрос предсказуемо привел министра в недоумение. Бьюи засмеялся:

– Не обращайтесь внимания, я к слову. Что касается готовящегося похода, так сказать, в «затерянный мир», у меня к вам небольшая просьба: хотелось бы пристроить своего человечка. Поверьте, экспедицию мистер Фриман не обременит – за плечами моего протеже десять лет службы в Индии. Прекрасный специалист, надежный во всех отношениях компаньон. Не думаю, что здешняя сельва станет для него сюрпризом.

Луис Риарт вновь возблагодарил Бога за то, что темнота скрыла его растерянность. Правда, с не меньшей благодар-

ностью он оценил и намек всеведущего мистера Бьюи: людей в собственном ведомстве следовало бы хорошенько перепроверить.

Военный министр поднялся, не забыв подхватить трость. Шляпа в знак уважения была приподнята над головой.

– Уповаю на благоразумие вашего президента, – напутствовал собеседника пребывающий в темноте мистер Бьюи.

– Не премину подробно проинформировать его о нашем разговоре, – ответил Риарт.

– Надеюсь, вы понимаете, дон Луис: в случае успеха моя благодарность вам не будет иметь границ, – мягко произнес представитель «Шелл Ойл». И, заметив, как вздрогнул партнер, поспешил добавить: – Недавно я открыл один любопытный закон, который, ко всему прочему, является прекрасным успокоительным средством. Суть его в том, что деньги – не помеха даже самому пламенному патриотизму. Поверьте, они могут совершенно мирно сосуществовать. Всего доброго, дон Луис!

– Всего доброго, мистер Бьюи.

Цикады в Асунсьоне просто осатанели.

«Вы готовы?»

Лишь мельком взглянув на ноги вестника, Александр Георгиевич фон Экштейн сразу понял, кто послал сего загорелого ангела. Индеец щеголял в башмаках. Доставленное им письмо содержало единственный вопрос, подвигнувший лейтенанта парагвайской армии быстро собраться и прикрыть за собой дверь съемной квартиры.

В случае надобности и в сельве, и тем более в городе ма-ка и чимакоко передвигаются исключительно быстро, так что посланник Беляева задал весьма шустрый темп: лишь молодость и любовь к спорту позволяли потомку славного рода прибалтийских баронов поспевать за ним. Утро было в разгаре, солнце припекало спины высыпавших на улицы бездельников и работяг. Башмаки индейца учащенно стучали. Лавирующий в толпе прохожих лейтенант не сомневался: полученное им послание обещает резкие перемены. Впрочем, к виражам судьбы Александру Георгиевичу было не привыкать. В свои двадцать пять лет он не мог пожаловаться на жизненную рутину. Совсем еще зеленым кадетом вместе с офицерами Конно-Егерского полка Экштейн штурмовал Пулковские высоты, имея на это полное право: отца юного мстителя – сподвижника адмирала Макарова, полярника Георгия Экштейна – поставили к стенке щеголяющие в кожанках и бескозырьках троглодиты, не имеющие ни малей-

шего понятия о течениях в Северном Ледовитом океане и подвижках паковых льдов. Сын жаждал мести, но, увы, рывок генерала Юденича на Стрельну и Гатчину не задался, и кадету пришлось какое-то время мириться с сыростью тоскливого, словно деревенский погост, эстонского Ревеля, в котором для таких, как он, бедолаг был организован скаутский отряд.

Впрочем, на балтийском взморье Александр Георгиевич не задержался. Природная непоседливость довела экс-скаута до Пражского университета, попутно познакомив его с игрой, основанной на погоне за мячом и как-то незаметно мутировавшей в вирус, поставивший впоследствии мир на грань безумия. Четыре года он полировал штанами скамьи аудиторий, внимая лекциям не только местных господ профессоров, но и подавшихся в Чехословакию за сытным пайком берлинских академиков, помешанных на конечном торжестве германского духа. В свободное же время с удовольствием нес бремя форварда студенческой команды, не избегая воспетых Гашеком пражских пивных, и попадался в тенета, которые виртуозно раскидывали для таких, как он, олухов на площади Святого Вацлава улыбочивые чешские проститутки. С ничуть не меньшим задором он волочился за сокурсницами (многие из них отвечали взаимностью симпатичному спортсмену), слонялся туда-сюда по мостам через Влтаву и, будучи этническим немцем, с любопытством по-

читывал доставляемую в Прагу «Берлинер тагеблатт»⁷, одновременно интересуясь «Фёлькишер Беобахтер»⁸, и потихоньку, самым незаметным для себя образом пропитывался лукавым воздухом послевоенной европейской свободы, в котором, впрочем, уже погромыхивали первые громы и посверкивали первые молнии, предвещавшие новую грозу.

И все-таки из всех прочих цивилизационных соблазнов, включающих в себя привычку подражать кембриджским снобам-студентам, более всего был мил Александру Георгиевичу именно футбол: иначе в голову университетского выпускника просто не могла бы прийти идея осчастливить собой первый чемпионат мира по футболу, который спортивные бонзы из международного комитета засунули на самые задворки – в совершенно неведомый Европе Уругвай. И молодой Экштейн отправился на другой конец света. Дух воинственных предков, до поры до времени мирно почивавший в болельщике, восстал ото сна именно в тот момент, когда взгляд постояльца отеля «Лос-Анджелес» в Монтевидео наткнулся на статью в местной газете о крайней неподготовленности к войне парагвайских солдат. Не без волшебных способностей того духа через месяц Александр уже лицезрел берега Параны, а еще через две недели модное кепи

⁷ *Berliner Tageblatt* – ежедневная газета, выходившая в Берлине в 1872–1939 годах. Одна из двух наиболее важных немецких либеральных газет этого времени.

⁸ *Völkischer Beobachter* – немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года – ежедневно. Последний номер вышел 30 апреля 1945 года.

болеельщика трансформировалось в форменную фуражку. С тех пор его знакомство с сумасбродом, двенадцать раз побывавшим в самых удаленных уголках сельвы Чако и крайне нуждавшемся в способных гнуть подковы единомышленниках, стало лишь вопросом времени.

Ичи́ко, довольный выполненным поручением, скрылся в знакомом доме, оставив Александра Георгиевича во дворе, в обществе индейских ребятишек, галдевших заметно тише обычного. Разгадка не заставила себя ждать: в центре большого двора, давно уже походившего утоптанностью на плац, под сенью квебрахо на корточках сидели двое. Временами один из собеседников, седоволосый житель сельвы (Экштейн признал в нем не простого смертного), чертил что-то в пыли указательным пальцем, похожим на узловатый корень, объясняя хозяину дома смысл напользающих друг на друга кругов и квадратов. Беляев, поглощенный диалогом с индейцем (скорее всего, вождем), вскинул голову, приветствуя гостя:

– Как я понимаю, ваше появление здесь, дорогой Александр Георгиевич, есть ответ на мое письмо?

– Я всецело в вашем распоряжении, – ответил Экштейн.

– Тогда, голубчик, посидите хотя бы вот на том прелестном чурбачке, пока мы с уважаемым вождем не завершим обмен мнениями. Кстати, зачем ждать. Вы завтракали? Супруга моя готовит превосходные каши. Она с удовольствием вас попотчует.

– Не стоит беспокоиться, Иван Тимофеевич! Плотные завтраки не входят в мою привычку.

– А вот попробуйте! Я уверен, вы измените свое мнение.

Минут через десять, завершив разговор и миновав комнаты, хранившие единственное богатство семьи Беляевых – шкафы с книгами, хозяин с вождем нашли лейтенанта на кухне, поглощающим за длинным дощатым столом уже порядком подзабытую им гречку. Препоручив вождя заботам супруги, Беляев обратился к компаньону:

– Нас ждут великие свершения. Вот почему настоятельно советую подкрепиться еще и sopa Paraguaya⁹. Александра Александровна готовит его так, что пальчики оближешь...

– Спасибо, Иван Тимофеевич, но, боюсь, для супа в моем желудке не осталось места.

– И это я слышу из уст богатыря?

Экштейну не терпелось заняться делом, ради которого он чуть ли не вприпрыжку прибежал сюда, и на этот раз лейтенант был непреклонен. Беляев попросил у молодого человека немного времени для еще одного «письмеца» и удалился в клетушку, служившую ему «личным кабинетом». Нижайшая просьба командиру дислоцированной в Асунсьоне пехотной части прикомандировать лейтенанта парагвайской армии Алехандро Экштейна по непосредственному распоря-

⁹ Парагвайский суп – национальное блюдо Парагвая, результат симбиоза культур индейцев гуарани и переселенцев из Испании. Для приготовления используется кукурузная мука, мука из маниоки, сыр, яйца и молоко. По вкусу блюдо напоминает мамалыгу.

жению канцелярии Военного министерства (распоряжение прилагалось) на полугодичный срок к советнику министра Хуану Беляеву была составлена, перечитана и помещена в конверт. Смуглолицего почтальона в башмаках, которому была вручена сия «государственная бумага», словно ветром сдуло.

Александр Георгиевич Экштейн ожидал своего будущего начальника во дворе под деревом.

Пустой рогожный мешок, который протянула Экштейну вышедшая с мужем хлопотливая «зайныка», несколько озадачил участника грядущей экспедиции.

– Вы готовы, Александр Георгиевич? – обратился хозяин к лейтенанту.

– Конечно!

– С Богом!

На улицах было не протолкнуться. Под витринными козырьками, без стеснения показывая граду и миру свои язвы, предавались неге жизнерадостные нищие, играя друг с другом в «орла» и «решку», ежеминутно подскакивали со «свежими новостями» мальчишки-газетчики, то и дело подминали мостовую гужевые повозки. Грохот необрезиненных колес заглушал даже визг очередной обворованной ротозейки. Рассуждая по дороге о столь милых ему индейцах, Беляев был возбужден:

– Представляете! В их языке нет такого понятия, как «лукавство». Вчера пытался втолковать суть этого человеческо-

го свойства одному довольно сообразительному малому, которого в свое время я научил читать и писать по-испански. Бедняга так ничего и не понял.

– В индейских преданиях явно прослеживаются библейские мотивы, – чуть погодя азартно говорил дон Хуан. – Взять хотя бы их миф о потопе: там также фигурирует и Ной, только у краснокожих он еще более бескорыстный и великодушный. Индейский Ной спасает погибающих в волнах младенцев и забирает их в свой ковчег! Нет сомнения в том, что Парагвай должен стать таким же ковчегом для нас, русачков. Страна соберет беженцев под своей крышей, объединит, даст им землю, профессию. А когда коммунизм исчезнет, сохраненные в парагвайском ковчеге инженеры, ученые, военные вернутся на Родину...

Поймав недоверчивый взгляд молодого человека, Беляев засмеялся:

– Не сомневайтесь! Возвращение неотвратимо. Россия все перемолола – иго, поляков, чуму с холерой. И комиссаров перемелет, будьте уверены, дорогой мой. Не надо их свергать, как к тому призывают засевающие в Париже мои хорошие знакомые. Большевики сами себя свергнут! Вот здесь-то и пригодится ковчег. России нужна аристократия – но только не прежняя, со всеми этими великими князьями, а инженерная, научная, военная. Нужна аристократия духа! Вот почему наша главная задача – сохранить и преумножить ее здесь, в этом месте, в самом центре Америки!

Пропев оду любимому детищу и обратив свое внимание теперь уже на город, Иван Тимофеевич поглядывал по сторонам с таким видом, словно впервые оказался на здешних улицах, удивляясь барышням, которые несли обувь в изящных ручках, боясь испачкать ее, и их босоногим кавалерам. Картину обрамляли запрудившие улицу повозки, пальмы и густо вылезающие из-за заборов ветви вечнозеленых кустарников.

– Для меня главное очарование Асунсьона – в его похожести на наши провинциальные городишки. Грязь, пыль, настоящие миргородские лужи – все один к одному. А здания! Возьмите, к примеру, железнодорожный вокзал. Точь-в-точь такой, как в Царском Селе. Ах, царскосельская жизнь! Я там лежал в пятнадцатом году после ранения. Знаете, кто за мной ухаживал? Сама императрица!

По правде говоря, Экштейну меньше всего хотелось вызывать из памяти пятнадцатый год – с ледяными спальнями кадетского корпуса, а затем и год девятнадцатый – с известием о смерти отца, Юденичем, налипшими на землю небесами, разбитыми колеями дорог под Гатчиной, опрокинутыми в кюветы орудиями, бинтами, запахом карболки, – слишком уж сейчас было тепло, солнечно, благодатно. Беляев, словно почувствовав его настроение, вновь перескочил на Парагвай:

– Как только я прибыл в Асунсьон, меня потрясли две вещи: дружелюбие здешних жителей и невероятная дешевизна – после мытарств в Аргентине она казалась просто фан-

тастической. За пять сентаво можно было купить кило хлеба, мяса любого сорта, литр молока, кило овощей и фруктов. Хорошая квартира стоила до шестисот песо; конь – четыреста; почта и телеграф, пусть даже за границу, – сущие пустяки. А здешний трамвай – знаете, прелестная картина. трезвонит звоночек, начинают пошатываться рельсы – и вагончик появляется из-за угла. Если бы не квебрахо и не жара – совершеннейший Петербург! Трамвайный билет – два сентаво. Подумать только! Сейчас, конечно, все подорожало, но не настолько, чтобы укладывать зубы на полку...

Походка Беляева оказалась такой же легкой, как и бег его индейца-почтальона. Еще немного – и они очутились на Пальмас. Улица встретила почти невыносимым зноем; спасали фиолетовые тени от домов и деревьев и натянутые над тротуаром тенты, которые сменяли друг друга, оставляя для солнечных лучей лишь небольшие полоски свободного пространства.

Экштейн спросил о ситуации на границе с Боливией.
– Война неизбежна, – ответил Беляев. – Боливийцы, в принципе, неплохой народ, но их со всех сторон подталкивают к столкновению. Мой хороший знакомый, начальник Генштаба генерал Скенони, настроен пессимистически. Он уверен: наши шансы невелики, соотношение сил примерно один к восьми, и, по его мнению, сопротивление невозможно, на что я отвечаю: все преимущества на нашей стороне. Чако, за исключением центральной части, превосходно ис-

следовано. Наши коммуникационные линии позволяют в течение суток перебросить войска в любую нужную нам точку. Благодаря двум закупленным в Италии канонеркам мы будем иметь полный перевес на реках. Железная дорога проложена уже на двести километров в глубину сельвы. Что касается морального состояния войск – патриотизм парагвайского солдата выше всяких похвал. Младшие офицеры прошли революцию и отлично подготовлены. Еще лет пять назад дело было за опытным составом среднего и высшего звена, но благодаря моим просьбам и письмам армия имеет сейчас ряд отличнейших офицеров: чего только стоят Щекин, Касьянов, Салазкин, Ширкин, Бутлеров, Ходолей, затем Корсаков, Малорож, Тарапченко, Дедов... Можно продолжать! – В голосе романтика завибрировала гордость. – Да, боливийцев муштруют наши старые знакомые, однако мы их побьем, Александр Георгиевич, – ей-ей, побьем. Но прежде еще раз стоит посетить парагвайские джунгли. Вы давно просили меня о таком одолжении. Случай настал!

Иван Тимофеевич все-таки остановился, вытирая пот платком. Затем монолог продолжился. О немцах он рассуждал с едва скрываемой горечью:

– Такие умы! Такая природная склонность к механике, музыке, философии. Здесь они даже евреям, пожалуй, очков вперед дадут. Но вместе с этим зашоренность, кичливость, презрение ко всем остальным, чванство на грани тузости... Парадокс, который мне не понять! Имея потрясаю-

щие таланты во всех сферах, немцы удивительно внушаемы – вот в чем их проблема. Орднунг¹⁰ – их Бог, их Телец, их Уицилопочтли¹¹: он их сжирает с потрохами. Стоит какому-нибудь глупцу или мерзавцу придумать самый глупый, самый дурацкий закон – они будут этому закону молиться, до края дойдут, выполняя его, до полного идиотизма. Внушаемость этого народа просто поражает. Попробуйте вот нашему русаку что-нибудь внушить. Наш-то всегда себе на уме, все подвергнет сомнению. На словах «одобрям-с», а вот на деле такой хитрый сукин сын, каких еще в целом свете поискать. Плевать он на все хотел. Немец – нет. Немец, если ему вообьют закон в голову, становится полным автоматом. Вспомните «Железную волю» Лескова. Обо всю эту их кичливость союзники вытерли в восемнадцатом году ноги: растоптали их орднунг, отняли его. Плюнули, можно сказать, в душу. А такое ведь даром не проходит. Поверьте моему слову, голубчик... не проходит. Боюсь, они еще наломают дров...

Прогулка завершилась на заваленном пататой, маниокой и фруктами асунсьонском рынке. То был истинный рай для вертких, словно угри, местных воров, о чем Иван Тимофеевич, прежде чем они нырнули в толпу, счел нужным предупредить товарища. Беляеву пришлось кричать Экштейну

¹⁰ Слово, имеющее много родственных связей в немецком языке, среди которых одной из основных является глагол «ordnen», означающий приведение в порядок, упорядочение чего-либо или распределение.

¹¹ Бог солнца, бог войны и национальный бог ацтеков, покровитель города Теночтитлан.

в ухо, так как жужжание голосов вокруг сделалось просто невыносимым.

– За мной, за мной, голубчик! – повторял покоритель Чако, пробираясь в рядах. – Нас ждут великие дела!

Он недолго мучил неведением будущего компаньона. Юркнув в неприметный магазинчик, как две капли воды похожий на бесчисленное множество здешних магазинчиков, чьи стены состояли из картонных коробок и навесами которым служили пальмовые листья, Иван Тимофеевич столкнулся с хозяином лавки. Объятия не заставили себя ждать. Протягивая знакомому парагвайцу мешок, советник военного министра произнес:

– Вы знаете, что мне нужно, дон Карлос. Надеюсь, цена будет разумной.

Еще раз о цене

Главнокомандующего боливийской армией немца Ганса Кундта¹² за все время его участия в Первой мировой войне ни в своих штабах, ни тем более в штабах неприятеля не почитали как выдающегося стратега. Однако на безрыбье и рак рыба. Президент Эрнандо Силес Рейес¹³ с удовольствием предоставил бывшему представителю германской военной миссии в Боливии возможность покомандовать вооруженными силами страны. И Кундт засучил рукава. Боевой опыт генерал-майора состоял, в основном, из лобовых наскоков его бригады на русские окопы в Галиции, дававших определенный результат, как правило, при условии поддержки тяжелой артиллерией. Вот почему некоторое количество удачных атак не могло не укрепить истового паладина прусских обычаев в методе, который он посчитал единственно правильным, а именно: вверенной ему Боливии следует накопить как можно более аэропланов, пулеметов, пушек и танков, а затем раздавить парагвайских босяков артиллерийским огнем и лбовым ударом пехотных полков.

¹² *Ганс Кундт* (1869–1939) – немец, потомственный военный, был главным военным деятелем Боливии в течение двух десятилетий, предшествовавших войне в Чако.

¹³ *Эрнандо Силес Рейес* – боливийский государственный и политический деятель, 31-й президент Боливии (с 10 января 1926-го по 28 мая 1930 года).

Стоит признать, Кундт много преуспел во вбивании арийского духа в бывших крестьян, набранных из прилепившихся к склонам Кордильер деревенек. Соотечественники стратега даже здесь, в Ла-Пасе, с его расслабляющей самых суровых аскетов сиестой, не могли избавиться от привычки к ордунаменту и гоняли солдат как сидоровых коз. Пунктуальность самого генерала доходила до грани, а его пристрастие к дисциплине невольно наводило знакомых с историей очевидцев на мысль, что за спиной Кундта, не давая тому ни на минуту расслабиться, постоянно маячит призрак Великого Фридриха с хорошим шпицрутенем в руке. Главное правило самого Кундта, ярого сторонника закрученных гаек, гласило: «Тот, кто приходит раньше времени, – плохой военный, тот, кто опаздывает, – совсем не военный, военный лишь тот, кто приходит вовремя».

Генерал старался ни на йоту не отступать от собственного афоризма. Кундт трудился днем и ночью, постоянно и неустанно вдалбливая в головы правительственных чиновников непреложную истину: для победы необходимы склады, доверху набитые оружием, и качественные грунтовые аэродромы. Благодаря его бескомпромиссности в отстаивании доктрины Джулио Дуэ¹⁴, к семи французским «Бреге 19А2», шести голландским «Фоккерам С.Vb», двум англий-

¹⁴ Итальянский генерал, военный теоретик. Развивал теорию воздушной войны, выдвинул идею проведения массированных бомбардировок городов противника с целью оказания морального воздействия и принуждения к капитуляции.

ским «Де Хэвиленд ДН.9», пяти учебным самолетам «Кодрон С97» и пяти истребителям (четыре американские машины «Хоук Р-1» и французский «Горду-Лезье LGL-32 С.1») уже к 1930 году прибавились шесть истребителей «Виккерс Тип 143» («Боливиан Скаут»), имевших скорость до двухсот восьмидесяти километров в час и вооруженных парой пулеметов винтовочного калибра, столько же двухместных многоцелевых самолетов «Виккерс Тип 149» («Веспа»), а также три учебно-тренировочные машины «Виккерс Тип 155» («Вендэйс III»). Когда же дипломаты Боливии, опять-таки не без нажима со стороны участника капповского заговора, подсустились с приобретением тридцати девяти тысяч винтовок «Маузер» и пяти танков «Виккерс МК.Е», главнокомандующему оставалось только потирать руки.

Что касается покровителя честолюбивого германца, то президента Рейеса тревожило следующее обстоятельство: его дипломаты в Буэнос-Айресе, не без помощи вездесущих представителей янки, работали более-менее сносно, снабжая военных разнообразной информацией, но вот с главной вишенкой на торте – Чако-Бореалем – дела обстояли далеко не радужно. Боливийцы понятия не имели, что находится в центре обширной области, на которую зарились энергичные парни из «Стандарт Ойл». И чем ближе к чакской сельве подползала война, чем настойчивее тревожили зеленые дебри в районе спорной границы с Парагваем боливийские патрули (в последнее время пошла мода на перестрелки между

солдатами обеих сторон, которая всегда является предвестницей большой свары), тем более росла уверенность Рейеса: рано или поздно в непроходимых зарослях Чако появятся представители Асунсьона с геодезическим инструментарием. Уже одно это предположение сильно нервировало не только его самого, но и весь политический и военный бомонд Ла-Паса. И по мере того, как к чинам ведомства рыцарей плаща и кинжала стекалось все больше информации об успехах парагвайской картографии, напряжение не просто нарастало – оно начинало опасно искрить. Сведения о таинственном водоеме в центре чакских джунглей, относящиеся ранее к разряду легенд, как-то незаметно перешли в разряд фактов, крайне интересующих военных. Оставалась проблема, о которой были осведомлены те, кто имел опыт близкого соприкосновения с сельвой. Однакони кто в окружении боливийского президента уже не мог дать твердых гарантий, что в преддверии схватки парагвайцы не найдут сумасшедших, решившихся на опасный рывок. Необходимо было что-то предпринимать – вот почему за полгода до описываемых событий в боливийском Генштабе появился господин в гражданском костюме, который сразу был допущен к главнокомандующему. Посетителю не надо было представляться – полковника Серхио Оливейру генерал знал достаточно хорошо. Выполняя просьбу Рейеса, Кундт также заранее побеспокоился о том, чтобы разговор с руководителем боливийской разведки протекал без свидетелей. Прощаясь

с этим низеньким учтивым человеком с тонкими усиками и аккуратно постриженными бачками, чем-то похожим на постоянно приноживающуюся мышь, Кундт пообещал:

– Не беспокойтесь, господин полковник. Постараюсь вас не разочаровать.

– Вот и славненько, – отвечал Оливейра, понюхав воздух. – Вот и славненько.

После визита дона Серхио, о жизни и деятельности которого ходили не очень хорошие слухи, главнокомандующий раздумывал недолго. Ветеран Первой мировой подполковник Эрнст Рём¹⁵ являлся личностью, настолько подходящей для щекотливых поручений, что брезгливый к представителям «оригинальной любви» Кундт предпочитал не думать о его гомосексуальности. Во всем корпусе наемников, прибывших в Боливию из фатерланда, трудно было сыскать более мужественную и толковую натуру. Помимо прочих достоинств, коренастый задиристый Рём обладал внушительными кулаками, один только вид которых убеждал: старину Эрнста следует либо уважать, либо тихонько обходить стороной. Сама судьба решила придать ему угрожающую внешность. Во время боев в Лотарингии раскаленное железо весом в двести граммов, бывшее за несколько секунд до того частью снаряда, настолько плотно припечаталось к лицу командира роты

¹⁵ Эрнст Юлиус Гюнтер Рём – руководитель штурмовых отрядов (они же СА), ближайший сподвижник Адольфа Гитлера, один из лидеров раннего национал-социализма.

10-го Баварского полка, что навсегда лишило его чуть ли не половины носа. Однако Рём не оказался в числе слабаков, которые, выписавшись из госпиталя, остаток жизни тратят на то, чтобы в глубоком тылу хлопотать о пенсии. Он вновь осчастливил своим присутствием окопы. За местечком, в котором изуродованному капитану выдалось побывать по возвращении в строй, закрепилась славная репутация «верденской мясорубки», однако ее нож, кромсающий на микроскопические кусочки целые дивизии, оказался к старине Эрнсту удивительно милосердным: мюнхенец схлопотал всего лишь сквозное ранение. Просверленный, словно дрелью, очередным куском французской стали, Рём остаток войны провел в штабах, которые хоть и не особо вдохновляли кавалера Железного Креста, но приучили его к работе с кадрами, решающими, как оказалось впоследствии, все.

Возвратившись после воцарения мира на малую родину в качестве безработного, упрямец не собирался коротать время в очередях за бесплатной похлебкой. Дело было за случаем, который не заставил себя ждать. Угрюмый крепыш почерпнул приличный заряд бодрости из речей некоего ефрейтора, рассуждающего о будущем величии фатерланда в пивной «Бюргербройкеллер», и познакомился с оратором. В свою очередь, способность Рёма подчинять дисциплине даже самых отъявленных негодяев, создавая из них боеспособные группы, впечатлила его нового приятеля. На мюнхенских, гамбургских и берлинских улицах, где коммунисты и

патриоты с удовольствием раскраивали черепа друг другу стульями и железными прутами, Рём с его штурмовиками чувствовали себя как рыба в воде. Для неистового австрийца Эрнст сделался просто незаменим. Путч 1923 года развел соратников по камерам. Рём просидел в кутузке недолго: близорукость Веймарской республики дошла до предела после того, как один из самых отъявленных ее ненавистников, захвативший со своими молодцами здание Военного министерства, был отпущен на поруки, словно нашкодивший школьник.

Пока фюрер коротал дни и ночи в тюрьме, его партайгеноссе Рём принялся сколачивать собственную гвардию. Вскоре неодолимая тяга бывшего капитана к единоличной власти стала очевидной, а независимость – последнее качество, которое Гитлер хотел лицезреть в подчиненных. Разрыв с товарищем был неизбежен. В один прекрасный день опальный Рём, всегда твердивший, что он солдат, оказался в дымном гамбургском порту. Уже через месяц на пароходе, следовавшем рейсом из Гамбурга в Рио-де-Жанейро, он перебрался в Боливию и лицезрел окруженную пальмами штаб-квартиру своего нового командира. Чин подполковника боливийской армии на какое-то время удовлетворил честолюбие не скрывающего своей сексуальной ориентации костолома, а его организационное рвение впечатлило даже видавшего виды служаку Кундта.

Полигон под Каламаркой, бугрящийся наполовину скрыты-

ми артиллерией холмами и весь изжеванный гусеницами новеньких «Виккерсов», не упускавших возможность подмять на своем зигзагообразном пути кустарник и редкие пальмы, был идеальным местом для частных бесед. Во время генеральских инспекций здесь, как правило, не было лишних ушей, что же касается обслуживающего персонала, то повсюду слышалась немецкая речь. Наличие большого количества навесов с противомоскитными сетками, под которыми располагались столы и лавки для теоретических занятий, предполагало возможность спокойно посидеть в тени. Пока вызванный из столичных казарм короткошей, плотно сбитый подполковник ожидал встречи с начальством под одним из навесов, с заметным трудом перенося установившийся зной, сам Кундт, одежда которого состояла из неизменной фуражки, рубашки без знаков отличия и шорт, забравшись на погромыхивающий под его башмаками борт «Виккерса шеститонного» и заглядывая вовнутрь распахнутых люков двухбашенного британского танка, расспрашивал одуревших на солнцепеке механиков о качестве поворотных механизмов – в ходе последних стрельб один из них заклинило на глазах у главнокомандующего. Затем, к всеобщему неудовольствию экипажей, вынужденных поджариваться на вечернем солнце в крагах, шлемах и кожанках, проинспектировал две танкетки «Виккерс/Карден-Ллойд МК.VI», до пулеметных башенок перемазанных красноватой землей. Отпустив наконец подопечных, генерал в одиночестве зашагал к навесам.

Сопящий от жары Рём не успел рта открыть, как Кундт избавил его от ненужных условностей:

– Не буду ходить вокруг да около, Эрнст. Мне нужны люди для экспедиции в сельву с навыками картографов. У тебя есть опыт в отборе – найди как можно скорее настоящих профессионалов. Только постарайся обойтись без боливийцев. Чилийцы, перуанцы, кто угодно... Их прошлое не должно нас волновать, главное – умение ориентироваться в джунглях и обращаться с геодезическими инструментами.

Рём попросил разрешения присесть. Любителя старого доброго Doppelbockbier¹⁶ одолевала тучность, откладывающаяся на туловище свои «годовые кольца». Поглаживая бритый затылок, к которому постоянно прилиwała кровь, он продолжал тяжело сопеть. Кундт не собирался зря тратить время:

– Внутренняя область Чако не исследована. Полеты аэропланов ничего не дадут – из-за отсутствия аэродромов вблизи Бореаля горючего хватает только на то, чтобы долететь до середины сельвы и вернуться обратно. О барражировании и речи не идет. Необходима глубокая разведка с выходом к этому чертову водоему. Озеро, озеро, озеро... Мне все уши про него прожужжали. Говорят, там огромный водный резервуар; если это так – отлично: оседлаем его первы-

¹⁶ Буквально означает «двойной стакан пива». Это – один из самых крепких немецких сортов пива, содержание алкоголя в котором обычно достигает 7 %, но в некоторых разновидностях «Доппельбока» крепость приближается к 13 %.

ми. Пройдоха Оливейра крайне заинтересован в сотрудничестве с армией. Я обещал содействие, но, как ты понимаешь, не потому, что являюсь альтруистом. У нас здесь свои интересы, Эрнст. Нужно глядеть вперед. С Германией далеко не покончено – вскоре ей тоже понадобится нефть... И нефти должно быть много.

Прихлопнув паука на своей шее, которой по всем параметрам подходило название «бычья», будущий министр без портфеля, начальник штаба СА, главный штурмовик тысячелетнего Рейха и узник тюрьмы Штадельхайм, стоически встретивший в ее камере свою смерть, поинтересовался:

– Почему именно иностранцы? Разве у боливийцев нет собственных спецов?

– Во-первых, дон Серхио не желает международных скандалов. А они будут, если парагвайцы поймают на своей территории граждан Боливии. Во-вторых, местные в сельву не полезут, Эрнст. Нет, не полезут. Это задача для чужаков, для тех, у кого нервы толщиной с корабельные канаты и чьи головы забиты обещанными наградами. Да, кстати, посули им золотые горы. Ради такого дела не будет скупиться даже Оливейра, а уж он-то заинтересован в удаче не менее президента.

– Яволь, – подытожил Рём. – Я найду ребят.

– И главное, чтобы они поработали не только на ведомство дона Серхио, – откликнулся собеседник.

После того как основная задача встречи была решена, общение двух вояк коснулось политики. Вспоминая о засе-

дающих в парламенте Боливийской Республики депутатах, Кундт не мог скрыть горечи:

– Все воры. Поганцы все как один. Благодаря им армия коррумпирована настолько, что не знаешь, за что и браться. Они и моих офицеров пытаются затянуть в болото. Нас спасает только то, что по ту сторону границы дела еще хуже. У генерала Скенони нет средств даже на обувь для солдат. Парагвайцы бедны, как церковные крысы, не удивлюсь, если им будет нечем стрелять.

– В последнее время они активно привлекают русских, имеющих кое-какой опыт, – вспомнил Рём, по-прежнему массируя затылок.

Кундт внимательно всмотрелся в обезображенное лицо соратника.

– Да, я осведомлен, – кивнул он. – Знаю, кто у них там всем заправляет. В шестнадцатом году мне пришлось затыкать участок под Бродами, который развалили эти паникеры венгры. Насколько помнится, Беляев тогда командовал артиллерийской дивизией по ту сторону фронта. А сейчас он – серый кардинал парагвайских босяков. Впрочем, это неважно. Что касается русских, их приемы известны. Да, Брусилов задал австрийцам жару в Галиции, но стоило там появиться нескольким нашим дивизиям, все вернулось на круги своя. Тактика противника видна как на ладони. Недостатки любителей щей и кваса очевидны: неповоротливость, бестолковость, крайняя боязнь инициативы. Не думаю, что с тех пор многое из-

менилось. Кроме того, у них всегда проблемы с техническим оснащением. Они часто воевали одними винтовками, и мы их били, Эрнст. Мы хорошо их били. И в этот раз не будем миндальничать – сожрем молниеносно.

Прозябание в штабах Первой мировой, ко всему прочему, научило партайгеноссе Эрнста и такому весьма необходимому качеству, как сомнение.

– Парагвай все более напоминает осиное гнездо. Русские его облюбовали. Ладно бы прибывали торгаши, спекулянты, прочая мелочь. Но помимо военных там уже всюю хозяйничают иного рода специалисты: насколько я знаю, они прокладывают дороги. Что особенно неприятно, к Бореалю протянута железнодорожная ветка. Да, пока иммигрантов немного, ну а если за сотнями казаков Деникина на берега Параны хлынут тысячи, а затем и десятки тысяч их единоверцев из Европы и Северной Америки?

– Этого не произойдет, – моментально отреагировал Кундт.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Если бы речь шла о наших соотечественниках, то создать полнокровную колонию хоть в Парагвае, хоть в Боливии, хоть на Марсе не составило бы труда. Однако русские совершенно бездарные организаторы. Без государя-императора каждый из них – сам себе голова. Каждый готов бодаться со всем миром, а уж со своим соседом – тем более. Эти мечтатели всё заболтают, а затем раздерутся, как петухи

на ярмарке. Им нужен кнут, дорогой мой Эрнст! Попомните мое слово: даже засевшие в Москве большевики обязательно закончат тем, что выберут себе царя.

Проснувшееся честолюбие Рёма не собиралось сдавать позиций:

– Нет правил без исключений. Существуют их религиозные общины.

– Я привык оперировать величинами, способными влиять на мировую политику, дорогой Эрнст, – засмеялся генерал. – Такими реликтами, как здешние староверы или североамериканские амиши¹⁷, можно полностью пренебречь. Вернемся к вещам, которыми пренебрегать не следует: цена слишком высока. Не подведите меня. Еще раз повторю: дело касается не только Боливии, но и Германии...

Диалог был прерван затрещающими моторами танков. К навесам потянулся дымок. Вдоволь набегавшиеся и настроившиеся «Виккерсы», за борта которых все еще цеплялось лучами солнце, один за другим выбирались на разбитую трассу.

Заслоняясь от солнца ладонью, главнокомандующий любовался механическими монстрами.

¹⁷ Амиши – члены религиозного движения, последователи Якоба Аммана – проповедника, жившего в XVII веке, приверженца анабаптизма. Анабаптисты выступали за повторное крещение в сознательном возрасте, за это их прозвали перекрещенцами. Многие из них также поддерживали идею общности имущества и женщин. Из-за гонений в Европе большинство амишей были вынуждены бежать в Северную Америку.

– Нефть, – пробормотал он.

Морос

Кундт мог быть спокоен: вожак штурмовиков Эрнст Рём безоговорочно подтвердил свою репутацию. Не минуло и пяти месяцев после встречи знатока русской тактики со знатком мюнхенского «дна» и трех – со дня очередного боливийского переворота, как ведомство Оливейры не на шутку залихорадило. Тревога обитателей неприметного особняка на столичной окраине, в одной из комнат которого неусыпно стрекотал трудяга-телеграф, захламляя столы шифровальщиков все новыми и новыми лентами, была вполне объяснима. Среди прочих сообщений, днем и ночью доставляемых в Ла-Пас из дипломатических миссий Уругвая, Чили, Бразилии и Аргентины, Зевсовой молнией сверкнула шифрограмма из числа тех, что в течение суток, а то и нескольких часов могут полностью перевернуть политику государства. Благодаря бывшему соратнику Гитлера полковник Оливейра встретил ее во всеоружии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.